

П. ШУБИН

**Североамериканская буржуазия
делает ставку на войну***

I

В середине марта 1933 г., в самый разгар банковского краха, в печати САСШ возобновилась кампания за «создание сильного флота», причем следы явно вели к Белому дому. Демократические члены Конгресса (вроде председателя морской комиссии Винсона) стали «намекать», что «президент Рузвельт не будет возражать против «большой морской программы». Либеральная печать, славословившая Рузвельта как непреклонного пацифиста и сторонника строжайшей экономии в государственном бюджете, обратилась к президенту с советом опровергнуть эти ложные слухи, но тот продолжал, во его собственному выражению, сохранять «непроницаемое лицо игрока в покер». Одновременно в специальных экономических журналах стали приводиться данные, характеризующие рост американских заказов и экспорта в связи с японским наступлением на Китай и подготовкой новых войн. Еженедельник «Бизнес уик» сообщал, что, хотя японцы продолжают получать оружие, пулеметы, снаряды, броневики и т. д. из Европы, они «в течение последних месяцев накапливают сырье, необходимое для изготовления военного снаряжения в самой Японии», и особенно выделял значительные закупки Японией для этой цели хлопка и железного лома в САСШ. Приблизительно тогда же министерство торговли опубликовало данные, показывающие, что при общем значительном понижении

* Впервые: Журнал Коминтерн. 1933. № 22. С. 36–41. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

американского экспорта на Дальний Восток в 1932 г. экспорт в Японию увеличился: хлопка — на 28 проц., легкой нефти — на 200 проц., сырой нефти — на 33 проц., свинца — на 16 проц., экспорт стали и железа достиг значительного уровня. Журнал стальных трестов «Сталь» писал:

«Международное положение, особенно в Японии и Китае, заслуживает внимания производителей стали. Американский экспорт стали и железа в январе сделал скачок до 56 тыс. тонн — максимальной цифры с мая прошлого года, и из этого количества 24,5 тыс. тонн взяла Япония, причем 22,5 тыс. взяла железным ломом».

Лондонский корреспондент «Ивнинг пост» сообщал, что Япония закупила в Англии больше 600 тыс. тонн старых судов в целях использования железного лома для изготовления снаряжения («Нейшен» от 22/III 1933).

В большинстве случаев эти данные приводились без комментариев, и читателю предоставлялась возможность задуматься над вопросом, какое влияние оказало бы на хозяйство САСШ возникновение мировой империалистической войны. Иногда, однако, печать не могла удержаться от того, чтобы самой поставить точку над «и». Так, например, «Анналист», этот «объективный» регистратор колебаний различных индексов, открыто пустился на путь мечтаний о том, как будет хорошо, если на выручку американской буржуазии явится война:

«Вряд ли можно отрицать, что есть большая возможность европейской войны и в весьма близком будущем... Если такая война начнется, то будет чрезвычайно интересно посмотреть, не обратится ли тогда Италия (лишенная, разумеется, возможности получать военное снаряжение из Франции) за снабжением к нашей стране и не вызовет ли она таким образом оживления в нашем хозяйстве. В 1914 г. мы выбрались из хозяйственной депрессии благодаря вспыхнувшей великой войне. Было бы интересно, если бы это повторилось, если бы другая европейская война снова принесла нам спасение» («Анналист», стр. 394, 17/III 1933).

Эти воспоминания в дни тоски и уныния лета 1933 г. о «чудесном избавлении» от кризиса лета 1914 г. не являлись, конечно, случайными. Они давали буржуазии «перспективу»: война, вот что может спасти положение, — война не где-нибудь на задворках, в северных провинциях Китая или местные вооруженные

столкновения в Южной Америке, а война в Европе, мировая война. Она «помогла нам в 1914 г. выбраться из депрессии» и даже взобраться на высоты финансового и технического превосходства над всем миром. Она спасет и сейчас.

Но нельзя сидеть у моря и только ждать спасительницу-войну. Войны не ждут, — ее готовят, ее делают. Если в ней спасение, значит, подготовка войны должна стать программой выхода из кризиса. Она действительно стала ею. Ставка на подготовку к войне и на самую войну как на единственную возможность для получения действительно широкого рынка с неизменно нарастающим платежеспособным спросом — вот что определяет «восстановительное» законодательство Рузвельта. Мобилизация промышленности для удовлетворения военного рынка и создание тыла, т. е. военно-каторжной обстановки для трудящихся, вот та стратегическая цель, которую ставит себе правительство САСШ в настоящее время.

II

Использовать «большую морскую программу» для «разгона» хозяйственной машины — идея не новая, и Рузвельт не может претендовать на получение патента на нее. До тех пор, однако, пока Америка могла обирать всех, опираясь на то соотношение экономических и финансовых сил, которое было создано войной 1914–1918 гг., у нее не было основания особенно форсировать и торопиться с новой войной, которая не может не перечеркнуть всех старых военно-долговых счетов и всяческой международной задолженности вообще, и уже по одному этому обойдется не дешево такому мировому кредитору, как САСШ. Конечно, и раньше американская буржуазия шла к войне за передел рынков, за отнятие у соперников их лучших колоний, за колониальное порабощение полузависимых и политически еще независимых стран. Но кризис, в особенности последняя стадия его, чрезвычайно ускорил и обострил этот процесс. В 1917 г. Ленин писал: «Все равно война есть такая “отрасль промышленности”, которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то бишь, достаточно обильное и взрослое “пушечное мясо”».

«Искусственное облесение», которым, как известно, Рузвельт козырял как панацеей во время избирательной кампании, явля-

ется символическим для всей его нынешней практики подготовки пушечного мяса. «Борьба с безработицей», «общественные работы», «мирная армия труда» — все это благовидные предлоги, под прикрытием которых с небывалой в САСШ в послевоенный период лихорадочностью и размахом проводится эта подготовка войны.

И «бывший человек» Гувер мечтал в свое время о выполнении всей лондонской программы судостроения в два-три года, но, чтобы осуществить эту мечту, он должен был испросить у Конгресса ассигнований на $\frac{1}{4}$ млрд долл. и таким образом «взбудоражить общественное мнение». Рузвельт же не знает этих трудностей. Не говоря уже о том, что буржуазное общественное мнение САСШ за последние месяцы открытой экономической войны достаточно подготовлено к неизбежности военного столкновения, Рузвельт и с чисто формальной стороны не нуждается ни в каких дополнительных ассигновках для усиления морского флота, для его перевооружения, для усиления воздушных сил, для построения новых морских баз, для моторизации и механизации сухопутных войсковых частей и т. д. и т. п. Все это может быть проделано «за счет безработных», за счет тех 3.300 млн долл., которые отпущены на общественные работы, все это черным по белому написано в «восстановительном законе».

Но не только в бюджетно-техническом отношении «восстановительный закон» открывает новые и притом бесконтрольные источники для стремительного увеличения Соединенными Штатами своих вооруженных сил на воде, суше в воздухе. Весь этот акт в целом, как и вся совокупность хозяйственно-финансовых мероприятий американского империализма в настоящее время, базируется на уверенности, что подготовка к войне и самая война уже начинают создавать рынок для американской промышленности и сельского хозяйства. Подготовка к войне и война — не в смысле, какой-нибудь отдаленной, более или менее туманной исторической перспективы, а как определившийся факт ближайшего времени.

III

Под ударами распространяющегося кризиса и ввиду полного банкротства всех прежних проектов «смягчения», «ликвидации» кризиса американский империализм вынуждается как стреми-

тельностью распада мирового капиталистического хозяйства за последний год, так и специфической формой этого распада на данной стадии отважиться на рискованнейший рузвельтовский эксперимент оживления хозяйственной жизни путем целой системы мероприятий, направленных на искусственное и стремительное взвинчивание товарных цен (в бумажном долларе) на внутреннем рынке и на развязывание самой истребительной войны с противником, прежде всего с Англией, на рынке внешнем. Этот рузвельтовский эксперимент — мобилизация производительных сил промышленности при неизбежности сокращения внутреннего рынка, при невозможности добиться одними средствами экономического и финансового насилия такого расширения внешнего рынка и в таком темпе, который сулил бы выход из кризиса, был бы совершенно бессмысленным даже с точки зрения буржуазии, если бы она не усматривала в нем высший смысл. Она усматривает в этом эксперименте фактор, ускоряющий одновременно и развязку мировой войны и подготовку САСШ к этой войне, а следовательно, и создание ненасытного военного рынка. Достаточно вспомнить имеющиеся данные о характере нынешнего «оживления» в САСШ, и в особенности те средства спекуляции, при помощи которых оно достигнуто, чтобы убедиться в этом.

К концу II квартала 1933 г. «оживление в САСШ», продолжающееся уже в течение трех месяцев, достигло уровня, о высоте которого можно судить по следующим наиболее благоприятным показателям: а) цена бушеля пшеницы дошла до доллара; б) стальная промышленность работает с загрузкой своего производственного аппарата до 50 проц., превышая, таким образом, раза в четыре самую низкую точку начала года; в) потребление хлопка превысило уровень 1929 г. и раза в два выше прошлогоднего; потребление электрической энергии в конце июня на 10 проц. выше, чем в прошлом году.

При оценке этих показателей, вычисляемых буржуазными организациями, необходимо конечно внести весьма существенную поправку на «рекламу». Было бы совершенно непонятно, если бы американская буржуазия, употребляя сейчас все находящиеся в ее распоряжении средства, чтобы создать видимость подъема хозяйства, не использовала в максимальной степени такой испытанный дешевый прием, как подделка статистических данных и подтасовка фактов. Но, даже сделав соответствующие скидки

на статистическую фальсификацию, необходимо все же признать наличие подъема по всем перечисленным выше показателям.

К этим положительным показателям надо прибавить (или из них вычесть, — это зависит от точки зрения) обесценение доллара, быстро догоняющего в своем падении английский фунт.

Известно, что, несмотря на такие «объективные» признаки благополучия, буржуазная экономическая печать обнаруживает тем большую тревогу, чем ближе подходит тот момент, когда «восстановительный закон» начнет проводиться в жизнь. Чем же это объясняется? Во-первых, тем, что рост цен даже на сырье (когда он выражается не только в бумажных долларах, но и в золоте) не является результатом сокращения запасов этих продуктов, а иногда сопровождается даже их увеличением. Даже пшеница, вздорожание которой ставят в заслугу полевым вредителям, в действительности обязана своим успехом только тому, что правительственная цена на новый урожай была обещана в размере 1 долл. за бушель. Каков бы ни был урожай этого года, САСШ имеют от прежних урожаев запас в 30 млн бушелей, причем о более или менее значительном вывозе пшеницы в Европу не может быть и речи. Характерно, что и Канада почти полностью присоединилась к спекулятивному подъему на чикагской хлебной бирже, хотя здесь запасы пшеницы за год почти удвоились и значительная часть урожая предназначается для экспорта. Таким образом спекулятивный характер цен на пшеницу не подлежит сомнению.

Во-вторых, именно в тех отраслях промышленности — стальной и текстильной, — где подъем особенно значителен, уже до наглядности ясно, что они работают не для существующего уже рынка, а *на склад*:

«Сами предприниматели электрической промышленности склонны объяснить сильное увеличение потребления электричества (преимущественно текстильной промышленностью. — П. Ш.) производством на склад. Можно поэтому опасаться, что стремление текстильных фабрикантов накопить запасы, учитывая то сокращение производства, которое будет вызвано введением налога и “восстановительного закона”, приведет к такому увеличению запасов, которое будет иметь своим результатом падение в производстве и сокращение числа рабочих» («Анналист» от 23/VI 1933).

Что касается подъема стальной промышленности, то это находится в противоречии с застоєм в производстве орудий про-

изводства, с отсутствием заказов со стороны железных дорог и с надвигающейся (хотя и в более слабой форме) депрессией в строительной промышленности. Даже «Уол-стрит джорнал» высказывает «догадку», что «количество стали, которое сейчас сдается по контрактам II квартала, превышает теперешние потребности». Почему же они работают на склад?

Ввиду того, что, во-первых, введение «восстановительного акта» в жизнь безусловно будет сопровождаться искусственным подъемом цен (для некоторых групп товаров не меньше, чем на 30 проц.), что, во-вторых, введение налогов на обработку сельскохозяйственных продуктов (тоже процентов на 30) автоматически действует в том же направлении и, в-третьих, что дальнейшее обесценение доллара, гонящего вверх товарные цены в бумажных долларах, вполне обеспечено демонстративной политикой правительства на международной экономической конференции, — вследствие совокупности всех этих обстоятельств при чрезвычайной дешевизне кредита фабриканты и оптовики накапливают запасы.

Бегство от доллара — вот что вызывает, таким образом, подъем цен на товары. Не рост доверия к платежеспособному рынку, а ожидание искусственного подъема цен вызывает товарную горячку. Правительство делает все, чтобы, с одной стороны, — как это ни кажется с первого взгляда парадоксальным, — усилить уверенность в падении доллара, т. е. фактически недоверие к нему, а с другой, — чтобы увеличить тягу к товарам. Чем последнее, однако, достигается? Ростом потребления этих товаров? Нет, потому что по общим отзывам розничная торговля остается вялой. Стало быть, производство и закупка товаров про запас называются только ожиданием, надеждой или страхом, что в ближайшие недели они поднимутся в цене. Но и это ожидание в свою очередь не связано с перспективой расширения рынка, а, наоборот, с провозглашенной в «восстановительном акте» политикой сокращения производства.

Все эти меры в своей совокупности дают и могут еще продолжать давать действительно серьезную «накачку насоса». Их единственный недостаток заключается в том, что они, как всякий искусственный возбудитель, требуют прогрессивного увеличения доз, чтобы обеспечить прежний эффект. Как в том случае, когда эта накачка приостановится, если только буржуазии вообще удастся приостановить ее, так и в том случае, когда

она превысит определенный уровень, реакция скажется со всей разрушающей силой. С того момента, когда выяснится, что обещания Рузвельта, не отличаясь по сути дела от того «процветания, которое уже за углом», которое в свое время обещал Гувер, не способны ни расширить внутреннего рынка, ни обеспечить более или менее значительный захват внешних рынков, вся волна подъема начнет откатываться назад. Результатом этого может быть только то усиление хаоса, о котором, как заявляют сами авторы «восстановительного акта», им страшно даже подумать.

IV

Знает ли американская буржуазия, что «плановое» законодательство Рузвельта, представляющее собой повторение тех мероприятий, при помощи которых Америке удалось в 1914–1918 гг. направить все хозяйство страны на удовлетворение потребностей войны, *само по себе* не обещает выхода из кризиса? Конечно, знает. Правда «восстановительный закон» плюс фактически неограниченные права президента по части проведения инфляции дают трестам гигантский аппарат для того, чтобы пробиться через кризис на костях рабочего класса и разоренного фермерства, на развалинах более слабых капиталистических предприятий. Но воротилы крупнейших трестов не могут пустить в ход этот аппарат, если им не будет дана *точка опоры* для его приложения, т. е. выросший рынок. Знают ли об этом, если не либеральные хлюпики, которые поставляют в Белый дом идеи «плановости», то те стальные, хлопковые, нефтяные, химические и т. д. короли, которые заказывают им эти идеи? Конечно, знают. Но именно поэтому американская буржуазия связывает успех спекулятивного бума с тем, в какой мере подготовка к войне и война придут ей на выручку, создав платежеспособный спрос для промышленности, мобилизованной на основе сверхтрестов, высоких цен и инфляций.

Мы видели выше, что в самые трагические минуты финансового потопа, когда кругом бушевали волны банковских крахов, выпущенный «Анналистом» голубь вернулся с доброй вестью: война приближается, европейская война снова приходит нам на спасение. Сейчас, в разгаре «оживления», «пессимисты», которые опасаются, что опыт Рузвельта приведет к катастрофе, кладут в основу своих аргументов тот же вопрос о войне и о воен-

ных рынках. Они говорят: «плановое хозяйство» действительно имеет чудодейственную силу, но лишь в обстановке войны, когда промышленности обеспечен военный рынок.

Характерно, что те аргументы, которые эти «пессимисты» — преимущественно наиболее запутавшиеся банкиры — приводят против «планового хозяйства», основаны именно на том, что, во-первых, предвидят крах этих планов, — и в этом отношении они, несомненно, куда прозорливее оптимистов из «Белого дома», — еще до того, как мобилизованная промышленность сумеет «найти» достаточно мощный военный рынок; во-вторых, что они-то сами — эта группа банковских скептиков — не рассчитывают пережить еще один и притом исключительно сильный крах и дожидаться «лучших времен» как вследствие уже слишком далеко зашедшего надлома их собственной финансовой базы, так и вследствие того неизбежного фактического банкротства европейских кредиторов, которое ускоряется исключительной агрессивностью рузвельтовской внешней политики. С этой точки зрения интерес представляют те мотивы, по которым «Чейз нейшенел бэнк» в своем бюллетене возражает против восстановительного акта и кредитно-денежной инфляции.

«Говорят, что у нас есть опыт (в отношении планирования хозяйства. — П. Ш.), из которого мы можем исходить при проведении этого плана. Во время войны мы действительно практиковали в значительной степени регулирование и контроль над промышленностью, и некоторые считают, что этот опыт может быть использован сейчас. Я же думаю, что опыт военного времени окажется в значительной мере бесполезным с точки зрения наших теперешних проблем».

Сравнивая дальше те задачи, которые стояли перед американскими «плановиками» тогда, во время войны, и стоят теперь, во время растущего кризиса, автор приходит к такому выводу:

«Тогда был неограниченный спрос и ограниченное предложение. Задача заключалась в том, чтобы ограничить спрос и руководить предложением. Теперешняя задача совершенно иная. Она заключается в том, чтобы вернуть на работу людей для производства товаров, которые могут быть проданы. Ни один ум, планирующий в центре, не может знать, что это за товары. Но рынок знает».

Но «знающий рынок» буржуазия может лишь на очень короткое время обмануть прогрессивно нарастающей инфляцией

и искусственным взвинчиванием цен. И американская буржуазия понимает (часть ее экономистов не перестает твердить об этом открыто), что, обманывая «рынок», она рискует жестоко обмануть самое себя и довести кризис до катастрофических размеров еще до того, как «на выручку» подоспеет какая-нибудь достойная этого имени война. Совсем не исключена, разумеется, вероятность того, что, раз вступив на путь инфляции, буржуазия покатится по наклонной плоскости, потеряет ту способность регулировать спекуляцию, которую она называет контролем. Однако не такого исхода своей «революции» ожидают американские заправилы. Их расчеты связаны с созданием той обстановки, когда «плановое хозяйство», даже по словам пессимистов, оказывается спасительным: обстановки войны.

V

В заявлении Рузвельта при подписании «восстановительного закона» говорится:

«Мы надеемся на основании той части закона, которая говорит об общественных работах, *срочно* приступить к осуществлению программы строительства, которая даст работу добавочным сотням тысяч людей».

Таким образом гора родила мышь, так как в период подготовки этого закона говорилось не о сотнях тысяч, а о миллионах безработных, которым общественные работы несут избавление от лишений и нищеты. Зато Рузвельт подчеркнул *срочность* начала общественных работ, и *это* свое обещание выполнил только относительно одной категории общественных работ — той, которая направлена на *увеличение вооружений*. В тексте закона эта категория отнесена под самый конец статьи, где имеется специальный параграф о «построении, если президент признает это целесообразным, новых военных судов на условиях и в количестве, установленных лондонским соглашением 1930 г., соответствующего количества аэропланов, проведении таких проектов постройки казарм, которые президент одобрит, о снабжении оборудованием для механизации и моторизации тех частей армии, которые будут для этого назначены». Но, по евангельскому слову, «последние стали первыми», и этот последний параграф «восстановительного закона», который печать предпочитала стыдливо замалчивать, первым оказался проведенным в жизнь.

Либеральная печать, которая несколько месяцев назад ждала, чтобы Рузвельт рассеял компрометирующие его слухи о тайном сочувствии «большой морской программе», сейчас «старается объективно понять ту уступку, которую президент сделал милитаристам, и... в интересах предоставления работ безработным».

«Легко понять те политические мотивы, которые побудили президента Рузвельта бросить подачку милитаристам, но в то же время мы не можем согласиться, что эта мера необходима и разумна» («Нью рипаблик» от 28/VI 1933).

«Морской министр Свенсон утверждает, что 85 проц. сумм (ассигнованных на боевые суда) пойдут прямо рабочим. Вероятно, это спорное положение будет трудно доказать» («Нейшен» от того же числа).

Но так как оба эти «пацифистских» журнала и в своей «критике» стараются внушить читателю ложь, будто бы намерения Рузвельта и Свенсона действительно заключаются в том, чтобы помочь безработным постройкой и переоборудованием крейсеров, то им не остается ничего иного, как добродушно подшучивать над «наивностью» государственных деятелей. «Нейшен» предлагает Свенсону «платить людям за игру в чехарду, тогда бы все 100 проц. истраченных денег пошли бы рабочим и результаты были бы куда менее вредны». А «Нью рипаблик» заявляет:

«Раз эти суда все равно должны быть построены, то единственный разумный исход — подождать, пока они будут закончены вплоть до последней орудийной башни и громкоговорителя, а затем отправить их в открытый океан и там затопить».

Наивничанье является такой же необходимой составной частью в общей системе подготовки войны, как и грубая ложь Рузвельта.

Но Рузвельт и Свенсон отнюдь не намерены так непроизводительно израсходовать отпущенные им «восстановительным законом» миллиарды! Согласно этому закону «текущие расходы на общественные работы должны соответствовать разумно ожидаемым от них доходам». Намереваясь выпустить государственные облигации на 3 с лишком миллиарда для финансирования своего плана, президент уверяет (широкую публику, так как обязательство будет выпускаться в мелких купюрах вплоть до 20 долларов), что эти суммы будут израсходованы «производительно». Президент спешит вложить большой куш в постройку военного флота потому, что он считает такое использование наиболее производительным.

Но и это — только начало. Другие «производительные» расходы той же категории, предусмотренные законом, уже намечены и проводятся морским и военным ведомствами.

Постройка новых 32 боевых морских единиц является только частью той программы, которую развернул морской министр через несколько дней после подписания Рузвельтом «восстановительного закона». Согласно этой программе американский флот ставит своей ближайшей целью «не уступать ни одному другому флоту в мире... и развить свою боевую силу до максимальных размеров, обеспечить контроль на море для защиты страны и ее интересов, подготовить флот для операций на *любом* из обоих океанов». Но для разрешения этой задачи нужно максимальное усиление не только морского, но и воздушного флота, а также приспособление для военных целей торгового флота, в особенности тех быстроходных колоссов, которые легко могут быть превращены в авианосцы и размеры которых не стеснены никакими соглашениями. Поэтому морской министр вполне последователен, когда он заявляет, что «авиастроительство будет развиваться прежде всего для военно-морских операций. Кроме того, будут выработаны планы быстрого приобретения торговых судов и их преобразования для военных целей». Наконец, решающее значение, с точки зрения «подготовки флота для операций на любом из обоих океанов», имеет сооружение новых и расширение старых морских баз. И действительно, по сообщениям американской печати, новая программа намечает сооружение новой военной базы в Бремертене (штат Вашингтон) и двух атлантических баз в штате Виргиния и на Род-Айленде.

Не встретит ли, однако, президент каких-либо препятствий при использовании 3-миллиардного фонда для развертывания этой программы подготовки к войне? Ни в коем случае. Ибо авторы законов оказались достаточно предусмотрительными, чтобы специальным пунктом подчеркнуть, что план общественных работ распространяется и на Гавайские острова, где речь уже может идти только об укреплении военно-морской базы.

VI

Но делая ставку на подготовку к войне, американский империализм рассчитывает, на расширение не только внутреннего, но и внешнего рынков. Этот внешний рынок имел главным обра-

зом в виду «Анналист», когда говорил о том, что будущая война может снова спасти САСШ от депрессий. В этом отношении — в отношении развития платежеспособного спроса на военное снаряжение — САСШ весьма далеки от какого бы то ни было «экономического национализма». Та программа «приведения в порядок своего дома», которую ставит себе Рузвельт, является в этом смысле глубоко «интернациональной», так как этот «порядок» нужен американскому империализму, чтобы «обслуживать» военные потребности, не только свои, но и чужие.

Еще совсем недавно американские «наблюдатели» и эксперты привозили в Европу советы экономии и бездефицитности бюджета. Решающим при том являлось то соображение, что чем меньше европейские правительства будут тратить на вооружение, тем больше перепадет Сочиненным Штатам как кредитору Европы. Возможность получения платежей по займам, которые выросли из военных и послевоенных грабежей, составляли основу американской «пацифистской» проповеди: «Сократите расходы на вооружение, и тогда вы будете в состоянии платить нам» — такова была основа внешней политики Гувера. В начале 1933 г., когда выяснилось, что мировой кризис принял такие размеры, что все надежды на получение платежей по военным долгам должны быть оставлены, эта гуверовская дипломатическая мудрость сдается в архив. Начинают раздаваться голоса, что военные расходы в бюджетах стран-должников не должны рассматриваться как нечто вредное для кредитора, что вообще расходы на вооружение не следует считать непроизводительными. Характерно, что эта «интернациональная точка зрения» впервые была сформулирована публично в официальном документе нью-йоркской торговой палатой, где особенно сильно представлены интересы поставщиков военного снаряжения. На январском заседании этой палаты при обсуждении вопроса об урегулировании военных долгов после продолжительной дискуссии была принята резолюция, которая гласит:

«Расходы, которые иностранные государства делают внутри своих собственных стран для вооружения или для других целей, не непременно влияют на их способность переводить в Америку платежи по долгам. Военные расходы не отличаются от пособий, выплачиваемых безработным, или от других расходов, делаемых внутри страны для более или менее непродуктивных целей. Без сомнения, в САСШ придается слишком большое значение вооружению как фактору, мешающему уплате по военным долгам».

Сейчас, когда дефицитность в европейских бюджетах может заинтересовать президента Рузвельта лишь в той мере, в какой они дают ему моральное оправдание для развязывания экономической войны, все соображения против военных расходов естественно отпадают. Хорошим заказчиком оружия САСШ охотно заменят обанкротившегося должника. При усиливающемся соревновании вооружения большая военная программа Вашингтона создает рынок для американской промышленности не только внутри, но и вне страны. Неслучайно Рузвельт признал целесообразным сообщить через «Ассошиэйтед пресс» всем странам, что «он впредь до осени отказывается от своих планов относительно неофициальных переговоров о сокращении вооружений, так как он уверен, что *нет никаких шансов примирить существующие разногласия*». Но отказ САСШ от переговоров о сокращении вооружений означает «приглашение» вооружаться. Это тоже один из приемов, притом из наиболее действительных приемов, для «накачивания насоса» нынешнего оживления САСШ.

Ставка на подготовку к войне и на войну — вот что кроется за теми планами мобилизации промышленности, при помощи которых американская буржуазия делает сейчас отчаянные усилия, чтобы выбраться из кризиса.

